

МАКСИМ
ГОРЬКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

М Горький

Максим Горький Леонид Красин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=666055

Аннотация

«В первый раз я услышал имя Леонида Красина из уст Н. Г. Гарина-Михайловского; это было в Самаре в 95-6 годах. Убеждая меня в чём-то, в чём я не мог убедиться, Гарин пригрозил:

– Вас надо познакомить с Леонидом Красиным, он бы с вас в один месяц все анархические шишки сточил, он бы вас отшлифовал!..»

Максим Горький

Леонид Красин

В первый раз я услышал имя Леонида Красина из уст Н. Г. Гарина-Михайловского; это было в Самаре в 95-6 годах. Убеждая меня в чём-то, в чём я не мог убедиться, Гарин пригрозил:

– Вас надо познакомить с Леонидом Красиным, он бы с вас в один месяц все анархические шишки сточил, он бы вас отшлифовал!

Угроза эта вызвала в памяти моей образ Павла Скворцова, нижегородца, одного из первых марксистов, фанатика книги, не симпатичного мне. В течение десяти лет я встретил на путях моих не мало апостолов, и мне уже казалось, что все они требуют одного: чтоб личный опыт мой я, как можно скорее и с явным ущербом для опыта, уложил в предлагаемые ими формы.

Зимой 1903 года я жил в курорте Сестрорецк, один в огромной комнате; она во время сезона служила, кажется, «пневматическим ингалятором», её освещали два окна, выходявшие в парк, окна были высокие и шире дверей, но мелкие переплеты их рам напоминали о тюремных решётках. Труба парового отопления каждое утро шипящим голосом спрашивала:

– Не хотите ли рыбы?

Кроме меня, в курорте жила А. Г. Достоевская, банщик Прохоров рассказал мне, что это вдова кавказского генерала Грибоедова, казнённого за измену царю Николаю I, почему она и живёт под чужой фамилией.

Я был предупреждён, что ко мне приедет «Никитич», недавно кооптированный в члены ЦК, но, когда увидал в окне, что по дорожке парка идёт элегантно одетый человек в котелке, в рыжих перчатках, в щегольских ботинках без галош, я не мог подумать, что это он и есть «Никитич».

– Леонид Красин, – назвал он себя, пожимая мою руку очень сильной и жёсткой рукою рабочего человека. Рука возбуждала доверие, но костюм и необычное, характерное лицо всё-таки смущали, – время было «зубатовское», хотя и на ущербе. Вспоминались слова Гарина, Павел Скворцов, десятки знакомых мне активных работников партий, всегда несколько растрёпанных, усталых, раздражённых. Этот не казался одетым для конспирации «баринном», костюм сидел на нём так ловко, как будто Красин родился в таком костюме. От всех партийцев, кого я знал, он резко отличался – разумеется, не только внешним лоском и спокойной точностью речи, но и ещё чем-то, чего я не умею определить. Он представил вполне убедительные доказательства своей «подлинности», да, это – «Никитич», он же Леонид Красин. О «Никитиче» я уже знал, что это один из энергичнейших практиков партии и талантливых организаторов её.

Он сел к столу и тотчас же заговорил, что, по мысли Ле-

нина, необходимо создать кадр профессиональных революционеров, интеллигентов и рабочих.

– Так сказать – мастеров, инженеров, наконец – художников этого дела, – пояснил он, улыбаясь очень хорошей улыбкой, которая удивительно изменила его сухощавое лицо, сделав его мягче, но не умаляя его энергии.

Затем он сообщил о намерении партии создать общерусский политический орган социал-демократии.

– На всё это нужны деньги. Так вот, мы решили просить вас: не можете ли вы использовать ваши, кажется, приятельские отношения с Саввой Морозовым? Конечно, – наивно просить у капиталиста денег на борьбу против него, но – «чем черт не шутит, когда бог спит»! Что такое этот Савва?

Внимательно выслушав характеристику Морозова, постукивая пальцами по столу, он спросил:

– Так, значит, попробуете? И даже имеете надежду на успех? Чудесно.

Эту часть беседы он кончил быстро, и всё вышло у него так округлённо, законченно, что уж нечего было добавить, не о чем спросить. Затем, с увлечением юноши, он начал рассказывать о борьбе Ленина с экономистами, ревизионистами и закончил памятным пророчеством:

– Вероятно – расколемся. Ленина это не пугает. Он говорит, что разногласия организаторов и вождей – верный признак роста революционного настроения масс. Как будто – он прав, но как будто – несколько торопится. Но пока он ещё не

ошибался, забегая вперёд.

Прохоров принёс самовар, за чаем Красин начал говорить о литературе, удивляя меня широкой начитанностью, спорил о театре, восхищаясь В. Ф. Комиссаржевской, Московским Художественным. Когда я сказал, что пьесы Чехова следовало бы ставить не как лирические драмы, а как лирические комедии, он расхохотался.

– Но ведь это был бы почти скандал! – вскричал он, но затем полусогласился:

– Может быть, вы правы, пожалуй, как комедии они более отвечали бы слагающейся социальной обстановке и настроению молодёжи. Панихиды – не ко времени, хотя и красивы.

Рассказал, посмеиваясь, о своём посещении Льва Толстого.

– Тогда я был солдат и только что, так сказать, внюхался в Маркса.

Рассказывал он живо, прекрасно, с весёлым юмором, в память мою крепко врезалось сердитое лицо Толстого и колющий взгляд его глаз.

Через три часа Леонид Борисович ушёл к поезду в Петербург, сказав мне на прощанье:

– Вы тут – точно муха на лысине, сыщикам очень удобно следить за теми, кто у вас бывает. Предупреждаю: за мной хвостов нет. Я – человек без тени, как Питер Шлемиль.

Свидание с Морозовым состоялось через три дня. Аккуратно и внимательно читая «Искру» и вообще партийную

литературу, Савва был знаком с позицией Ленина, одобрял её, и, когда я предупредил его, с кем он будет говорить, он сказал ничего не обещающее слово:

– Поговорим.

Чтобы последующее не удивило читателя так, как тогда оно удивило меня, я нахожу нужным сказать здесь несколько слов о Савве Морозове. Я познакомился с ним в 1901 году, и за два года между нами образовались отношения дружбы, мы даже говорили на ты, к чему я вообще не склонен. Морозов был исключительный человек по широте образования, по уму, социальной прозорливости и резко революционному настроению. Настроение это возникло у него медленно и постепенно, но и за семь лет пред этим он не скрывал своего «радикализма».

В 96 году, в Нижнем, на заседании одной из секций Всероссийского торгово-промышленного съезда обсуждались вопросы таможенной политики. Встал, возражая кому-то, Дмитрий Иванович Менделеев и, потрянув львиной головой, раздражённо заявил, что с его взглядами был солидарен сам Александр Третий. Слова знаменитого химика вызвали смущённое молчание. Но вот из рядов лысин и седин вынырнула круглая, гладко остриженная голова, выпрямился коренастый человек с лицом татарина и, поблескивая острыми глазками, звонко, отчётливо, с ядовитой вежливостью сказал, что выводы учёного, подкрепляемые именем царя, не только теряют свою убедительность, но и вообще компроме-

тируют науку. В то время это были слова дерзкие. Человек произнёс их, сел, и от него во все стороны зала разлилась, одобрительно и протестующе, волна негромких, ворчливых возгласов.

Я спросил: кто это?

– Савва Морозов.

... Через несколько дней в ярмарочном комитете всероссийское купечество разговаривало об отказе Витте в ходатайстве комитета о расширении срока кредитов государственного банка. Ходатайство было вызвано тем, что в этот год нижегородская ярмарка была открыта вместе с выставкой, на два месяца раньше обычного. Представители промышленности говорили жалобно и вяло, смущенные отказом.

– Беру слово! – заявил Савва Морозов, привстав и опираясь руками о стол. Выпрямился и звонко заговорил, рисуя широкими мазками ловко подобранных слов значение русской промышленности для России и Европы. В памяти моей осталось несколько фраз, сильно подчёркнутых оратором:

«У нас много заботятся о хлебе, но мало о железе, а теперь государство надо строить на железных балках... Наше соломенное царство не живуче... Когда чиновники говорят о положении фабрично-заводского дела, о положении рабочих, вы все знаете, что это – „положение во гроб“...»

В конце речи он предложил возобновить ходатайство о кредите и чётко продиктовал текст новой телеграммы Вит-

те, – слова её показались мне резкими, задорными. Купечество оживлённо, с улыбочками и хихикая, постановило: телеграмму отправить. На другой день Витте ответил, что ходатайство комитета удовлетворено.

Дважды мелькнув предо мною, татарское лицо Морозова вызвало у меня противоречивое впечатление: черты лица казались мягкими, намекали на добродушие, но в звонком голосе и остром взгляде проницательных глаз чувствовалось пренебрежение к людям и привычка властно командовать ими. Не преувеличивая, можно сказать, что он почти ненавидел людей своего сословия, о тех, которые «либеральничали» в 901-5 годах, он говорил:

– Щенки. Играют.

Он вообще говорил о промышленниках с иронией, и, кажется, друзей среди них у него не было. Может быть, лучше всего говорит о нём тот факт, что рабочие Орехова-Зуева не поверили в его смерть, а объяснили её так: Савва бросил все свои дела, «пошёл в революционеры» и, под чужим именем, ходит по России, занимаясь пропагандой. Это говорилось даже в 1914 году.

А некто Марк Азадовский в книжке «Беседы собирателя», изданной в 24 году Восточносибирским отделом географического общества, сообщает, что в 15 году им записана на реке Лене такая легенда:

«Во время войны с японцами Савва Морозов пожертвовал миллион аршин полотна на солдат. Пожертвовал он их

великому князю. Вот сколько-то времени прошло, заходит Савва Морозов в лавку купить там что-то и видит: его полотенно продают. Значит, смошенничали. Он возьми да и скажи об этом великому князю. Тот в обиду принял. Велит арестовать за эти слова Савву Морозова. Как Савву Морозова арестовали, тут заводы остановились, работы нету – что тут будешь делать. Устроили рабочие забастовку и пошли к царю просить, чтоб Савву Морозова освободили. А царь их всех перестрелял. 9 января это было».

Для того, чтоб после 1906 года в памяти рабочих удержалась такая легенда, необходимо, чтоб личность её героя очень много говорила социальному чутью людей труда.

Деловая беседа фабриканта с профессиональным революционером, разжигавшим классовую вражду, была так же интересна, как и коротка. Вначале Леонид заговорил пространно и в «популярной» форме, но Морозов, взглянув на него острыми глазами, тихо произнёс:

– Это я читал, знаю-с. С этим я согласен. Ленин – человек зоркий-с.

И красноречиво посмотрел на свои скверненькие, капризные часы из никеля, они у него всегда отставали или забежали вперёд на двенадцать минут. Затем произошло приблизительно следующее:

– В какой же сумме нуждаетесь? – спросил Савва.

– Давайте больше.

Савва быстро заговорил, – о деньгах он всегда говорил быстро, не скрывая желания скорее кончить разговор.

– Личный мой доход ежегодно в среднем шестьдесят тысяч, бывает, конечно, и больше, до ста. Но треть обыкновенно идёт на разные мелочи, стипендии и прочее такое. Двадцать тысяч в год – довольно-с?

– Двадцать четыре – лучше! – сказал Красин.

– По две в месяц? Хорошо-с.

Леонид усмехнулся, взглянув на меня, и спросил: нельзя ли получить сразу за несколько месяцев?

– Именно?

– За пять, примерно?

– Подумаем.

И, широко улыбаясь, пошутил:

– Вы с Горького больше берите, а то он извозчика нанимает за двугривенный, а на чай извозчику полтинник даёт.

Я сказал, что фабрикант Морозов лакеям на чай даёт по гривеннику и потом пять лет вздыхает по ночам от жадности, вспоминая, в каком году монета была чеканена.

Беседа приняла весёлый характер, особенно оживлён и остроумен был Леонид. Было видно, что он очень нравится Морозову, Савва посмеивался, потирая руки. И неожиданно спросил:

– Вы – какой специальности? Не юрист ведь?

– Электротехник.

– Так-с.

Красин рассказал о своей постройке электростанции в Баку.

– Видел. Значит, это – ваша? А не могли бы вы у меня в Орехове-Зуеве установку освещения посмотреть?

В нескольких словах они договорились съездить в Орехово, а, кажется, с весны 1904 года Красин уже работал там. Затем они отправились к поезду, оставив меня в некотором разочаровании. Прощаясь, Красин успел шепнуть мне:

– С головой мужик!

Я воображал, что их деловая беседа будет похожа на игру шахматистов, что они немножко похитрят друг с другом, поспорят, порисуются остротой ума. Но всё вышло как-то слишком просто, быстро и не дало мне, литератору, ничего интересного. Сидели друг против друга двое резко различных людей, один среднего роста, плотный, с лицом благообразного татарина, с маленькими, невесёлыми и умными глазами, химик по специальности, фабрикант, влюблённый в поэзию Пушкина, читающий на память множество его стихов и почти всего «Евгения Онегина». Другой – тонкий, сухощавый, лицо, по первому взгляду, будто «суздальское», с хитрецей, но, всмотревшись, убеждаешься, что этот резко очерченный рот, хрящеватый нос, выпуклый лоб, разрезанный глубокой складкой, – всё это знаменует человека, по-русски обаятельного, но не по-русски энергичного.

Савва, из озорства, с незнакомыми людьми притворялся простаком, нарочно употребляя «слово-ер-с», но с Краси-

ным он скоро оставил эту манеру. А Леонид говорил чётко, ясно, затрачивая на каждую фразу именно столько слов, сколько она требует для полной точности, но всё-таки речь его была красочна, исполнена неожиданных оборотов, умело взятых поговорок. Я заметил, что Савва, любивший русский язык, слушает речь Красина с наслаждением.

Сближение с Красиным весьма заметно повлияло на него, подняв его настроение, обычно невесёлое, скептическое, а часто и угрюмое. Месяца через три он говорил мне о Леониде:

– Хорош. Прежде всего – идеальный работник. Сам любит работу и других умеет заставить. И – умён. Во все стороны умён. Глазок хозяйский есть: сразу видит цену дела.

Другой раз он сказал:

– Если найдётся человек тридцать таких, как этот, они создадут партию покрепче немецкой.

– Одни? Без рабочих?

– Зачем? Рабочие с ними пойдут...

Он говорил:

– Хоть я и не народник, но очень верую в силу вождей.

И каламбурил:

– Без вождей гоголевская тройка разнесёт экипаж вместе со всеми ненужными и нужными седоками.

Красин, в свою очередь, говорил о Савве тоже хвалебно.

– Европейец, – говорил он. – Рожица монгольская, а – европеец!

Усмехаясь, он прибавил:

– Европейец по-русски, так сказать. Я готов думать, что это – новый тип, и тип с хорошим будущим.

В 1905 году, когда, при помощи Саввы, в Петербурге организовывалась «Новая жизнь», а в Москве «Борьба», Красин восхищался:

– Интереснейший человек Савва! Таких вот хорошо иметь не только друзьями, но и врагами. Такой враг – хороший учитель.

Но, расхваливая Морозова, Леонид, в сущности, себя хвалил, разумеется, не сознавая этого. Его влияние на Савву для меня несомненно, я видел, как Савва, подчиняясь обаянию личности Л. Б., растёт, становится всё бодрее, живей и всё более беззаботно рискует своим положением. Это особенно ярко выразилось, когда Морозов, спрятав у себя на Спиридоновке Баумана, которого шпионы преследовали по пятам, возил его, наряженного в дорожную шубу, в Петровский парк, на прогулку. Обаяние Красина вообще было неотразимо, его личная значительность сразу постигалась самыми разнообразными людьми.

После слуха о его аресте на квартире Леонида Андреева, вместе с другими членами ЦК, В. Ф. Комиссаржевская говорила мне:

– Моя первая встреча с ним была в Баку. Он пришёл просить, чтоб я устроила спектакль в пользу чего-то или кого-то. Очень хорошо помню странное впечатление: щеголеватый

мужчина, ловкий, весёлый, сразу видно, что привык ухаживать за дамами и даже несколько слишком развязан в этом отношении. Но и развязан как-то особенно, не шокируя, не раздражая. Ничего таинственного в нём нет, громких слов не говорит, но заставил меня вспомнить героев всех революционных романов, прочитанных мною в юности. Никак не могла подумать, что это революционер, но совершенно ясно почувствовала, что пришёл большой человек, большой и по-новому новый. Потом, когда мне сказали, что он был в ссылке, сидел в тюрьмах, я и в это не сразу поверила.

– Чудовищно энергичен, – говорил о Леониде в 20 году известный электротехник-профессор. – И удивительно организованы внешние проявления его энергии и в слове и в деле.

И так всегда, все видели, что Леонид Красин, «Никитич», «Винтер», «Зимин» – исключительный человек.

– Не знаю товарища, который был бы так надёжно наш, как «Никитич», – сказал о нём мой земляк «выборжец» П. Л. Скороходов во дни наступления Юденича на Петербург, как раз в тот день, когда отряды Юденича, наступая на Тосно, грозили отрезать Петербург от Москвы.

В тот день многие в Петербурге растерялись, подчиняясь панике, а Леонид, стоя у окна в моей квартире на Кронверкском и слушая, как бухает пушка броненосца, ворчал:

– В Гавани, вероятно, крыши сносит с домов и все стёкла в окнах к чорту летят. Раззор!

Кто-то спросил его:

– Отразим?

– Конечно, прогоним. Дураки – убегут, а убытки останутся. И удивлённо передёрнул плечами:

– Чего лезут, чорт их побери? Ведь и слепому ясно, что дело их – дохлое.

Затем пожаловался:

– Ну, и накурено у вас! Дышать нечем!

Он возбуждал к себе в людях настолько глубокую симпатию, что иногда она принимала характер романтический. Я знаю, что по его слову люди благодарно и весело шли на самые рискованные предприятия.

Знаменитый «Камо», «Чорт»-Богомолов, Грожан, убитый в Москве чёрной сотней, один из тех рабочих, с которыми Леонид устраивал подпольную типографию в 1904 году в Москве, кажется, на Лесной улице, – все, кого я знал и кто знал Красина, говорили о нём, как о человеке почти легендарном.

И, может быть, лучше всех сказал о нём мой друг, доктор Алексин, человек, относившийся к революции равнодушно, к революционерам – скептически, находя, что «от них пахнет непрожёванными книгами», – сам он никаких книг не «жевал». Однажды я сидел с доктором у Леонида Андреева, в Грузинах, а Красин приехал туда за мною по какому-то делу. Андреев был плохо настроен и как-то неловко, неуместно заговорил, что он не может верить в благодетельное воз-

действие революции на людей. Красин тоже был не в духе, озабочен; послушав пессимистические изъяснения хозяина, он спросил:

– Если вы утверждаете, что мыться не стоит, – зачем же мыло варить? А ведь вы написали «Василия Фивейского», «Красный смех» и ещё немало вещей, революционное значение которых – вне спора.

И, как это нередко бывало с Леонидом Борисовичем, он вдруг вспыхнул, засверкал красивыми глазами и произнёс одну из тех речей, которые, если и не могут убедить противника, то совершенно обезоруживают его. Все знают, как великолепно мог говорить Красин, когда бывал «в ударе». И во время его речи доктор Алексин шопотом сказал мне:

– Вот от этого пахнет историей.

В Куоккале и на Капри, в Берлине, где Красин, работая у Сименса-Шуккерта или у Сименса-Гальске за триста марок в месяц, едва перебивался с семьёю, в моей квартире, в доме, где теперь ВЦИК, в Петербурге, работая по установке освещения на военных судах, везде, где «Никитич» встречался со мной, он вызывал у меня впечатление человека несокрушимой, неисчерпаемой энергии. Известно, что он не сразу пошёл работать с советской властью, у него, как у многих в 17–18 годах, были колебания.

– Не сладят, – говорил он мне. – Но, разумеется, эта революция даст ещё больше бойцов для будущей, несравнимо больше, чем дали пятый, шестой год. Третья революция бу-

дет окончательной и разразится скоро. А сейчас будет, кажется, только анархия, мужицкий бунт.

Но он скоро убедился, что «сладят», и тотчас же встал на работу. И тотчас же предложил мне организовать «Комиссию по улучшению быта учёных».

– Если буржуазия умела – хотя и не очень ловко – пользоваться силами квалифицированной интеллигенции, тем более должны уметь делать это мы, – говорил он. – Ильич совершенно согласен со мною, необходимо дать учёным всё, что только мы можем дать в этих дьявольски трудных условиях.

Ещё раньше этого, весной 17 года, он способствовал возникновению «Ассоциации по развитию и распространению положительных наук», в члены которой, вместе с такими учёными, как академики Марков, Фёдоров, Стеклов, как Лев Чугаев, Заболотный, Филипченко, Петровский, Костычев и другие, вошли также и капиталисты Нобель, Улеман и ещё кто-то. Целью «Ассоциации» было организовать в России ряд научно-исследовательских институтов.

По инициативе Красина же учреждена в Петербурге «Экспертная комиссия», на обязанности которой возложен был отбор вещей, имевших художественную, историческую или высокую материальную ценность, в петербургских складах и на бесхозных квартирах, подвергавшихся разграблению хулиганами и ворами. Эта комиссия сохранила для Эрмитажа и других музеев Петербурга сотни высокоценных

предметов искусства.

На мой взгляд, для большинства людей дело – ярмо. И даже для многих, заражённых жадностью к наживе, дело всё-таки – хомут, а они – волы и рабы. Но есть художники нашего, земного дела, для них работа – наслаждение. Леонид Красин был из тех редких людей, которые глубоко чувствуют поэзию труда, для них вся жизнь – искусство.